

МАРИЯ ДУБРОВИНА

**ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ
ПРОФЕССОРА ЛУЧАНИ**

16+

Мария Дубровина

Личная жизнь профессора Лучани

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Дубровина М.

Личная жизнь профессора Лучани / М. Дубровина — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Известный профессор Лучани живет в одиночестве. У него нет никакой личной жизни. Только работа, кот и консьержка. Но за стерильным занавесом публичной жизни скрывается настоящая драма неосуществимой любви. Его избранница - замужняя женщина с безупречной репутацией. Она не хочет ничего менять в своей жизни, он не может ничего требовать от нее. Их роман подобен сказке, которую они пишут между скобками, за которыми остаётся настоящая жизнь. И даже когда она умирает, надо продолжать соблюдать приличия. Разве у сказки может быть несчастливый конец?

Содержание

1	5
2	7
3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

1

Андреа Лучани вышел из подъезда своего дома, повернул налево, и его крупная фигура в широком темно-зеленом пальто привычно отразилась в неопрятно загроможденной витрине соседнего книжного магазина, специализировавшегося на правовой литературе, чья целевая аудитория не покупалась на выставленные в выгодном свете броские обложки, а запросто выкладывала солидные деньги за скучнейшие книги, которые чем скучнее были, тем больше стоили.

Преданных клиентов магазина не волновало то, что уже через год многие из этих кодексов, справочников и путеводителей по дебрям наследственных, трудовых или жилищных прав устареют. Законодатель примет дополнительную поправку, упразднит не самую нелепую статью, выпустит новый закон, и снова издатель бросится тиражировать очередной «новый», совершенно необходимый серьезному специалисту том, подобный тому, что просвечивался сейчас за призраком профессора Лучани. Рама витрины равнодушно отсекала ему ноги в темно-серых брюках и оставила за кадром и стоптанные туфли на кожаных шнурках, и под цвет брюкам тротуар. Коричневый кожаный портфель в правой руке профессора попадал в поле отражения, выглядывая украдкой то впереди, то позади пальто.

День встретил Андреа избытком света. Солнце проснулось в дерзком настроении, и безоблачному миланскому небу нечего было противопоставить этой весенней наглости. Маленькие и большие лужи – следы ночных дождевых перебежек неба на землю – покорно отражали лазурный образ их отца. Глаза начали слезиться, и вид улицы расплылся в картину импрессионистов.

Набежала всеобъемлющая темнота как, когда после любви она откидывалась на подушки и дрожащими от изнеможения пальцами убирала волосы с лица. И лежа с закрытыми глазами, улыбалась. Ему. А он смотрел на неё. Ему бы тоже закрыть глаза и насладиться эхом страсти, еще сотрясающей их тени, еще согревающей простыни, еще не угасшей в каком-то непослушном измерении мгновенной вечности, но он смотрел на нее, свободную, близкую и счастливую, еще не ушедшую и уже неуловимую, и видел всеобъемлющую темноту, которой она улыбалась.

Мысли профессора Лучани были далеки от улицы Мамелли, скромный отрезок которой соединял подъезд его дома и вход в кафе «Маринетти», где каждое утро, не считая воскресенья, он завтракал, и он не увидел перемен. Он не заметил, что у молодых каштанчиков, растущих на противоположном тротуаре, лопнули их не по-детски большие почки. Он не почувствовал, что воздух прогрелся достаточно, чтобы лишить уместности его зимнее темно-зеленое пальто. И даже пропитанный цветочной похотью весенний ветерок, с одинаковой шаловливостью заигрывающий и с полами его пальто, и с листьями вечнозеленых кустов смолосемянника, большие керамические горшки с которыми обрамляли тротуар, остался им незамеченным.

Консьержка Изабелла тоже выпала из поля зрения профессора. Она вышла проводить почтальона и засмотрелась на удаляющиеся в сторону остановки метро новые туфли синьоры России с четвертого этажа, так невыгодно подчеркивающие своим модным острым носком полноту (или даже отечность) её ступни. Но шум шагов Лучани привлек внимание Изабеллы, и она, прищурившись, смотрела ему в спину. «Надо будет сегодня, обязательно, достать ему плащ с антресольного отделения шкафа», – подумала она.

Андреа занимал четырехкомнатную квартиру на третьем этаже, и Изабелла помогала ему смотреть за домом. Каждый день во время своего перерыва на обед она поднималась к нему: убирала, стирала, гладила и готовила что-нибудь для ужина.

Когда-то в начале их знакомства, когда еще черный цвет волос этой уроженки Пармы был натуральным, она, застывая двуспальную кровать ученого, смахивая пыль с его книг или же поджаривая чеснок для томатной заправки, любила посмаковать мечту о том, что настанет

день, и она будет делать все это на правах хозяйки дома. Вот тогда-то она и поменяет выцветшее покрывало на его кровати, выбрасывает застиранные трусы с оголенными, не поддающимися починке резинками, а взамен купит новые (она было даже присмотрела в магазине на углу с улицей Архимеда подходящую ему, классическую модель белых в тонкую синюю полосочку семейных трусов из тонкого хлопка) и, конечно, она обязательно переставит мебель в гостиной, где старомодный кожаный диван развалил свою бесформенную тушу так близко к входу в комнату, что мизинец ее правой ступни не однократно с размаху врезался в его переднюю ножку и тут же синел от злости и боли.

Изабелла много раз пыталась корявенько дать понять профессору, что она была готова заботиться о нем на более постоянной основе. Подразумевалось, что для этого он должен был заменить неплохое жалование, которое ей платил, на пожизненное содержание, приукрасив его парой свадебных фотографий. Иногда, дабы катализировать процесс принятия нужного ей решения, она расписывала ему бытовые катастрофы, которые обязательно бы обрушились на него в одинокой старости.

Но потом ни с того ни с сего он завел кота. Изабелле это не понравилось. Во-первых, ей прибавилось работы: нужно было менять песок в кошачьем туалете, лучше вычищать диваны и ковры от кошачьей шерсти, и мыть его дурно пахнущие миски. Во-вторых, сам кот ей тоже не понравился. Он был еще более высокомерным, самодостаточным и независимым, чем его хозяин. Словно самим фактом своего существования в этом доме, кот давал ей понять, что ей здесь претендовать абсолютно не на что. То, что хозяин в силу своей воспитанности не выражал словами, кот в силу своей непринужденности выражал повадками. Только слепая, почти мистическая вера в то, что прилизанный профессор в ослепительно белых накрахмаленных трусах с дымящейся чашкой только что сваренного ею кофе в руке непременно когда-нибудь материализуется на заменившем ненавистный диван новом кресле с розовым рисунком, еще на пару лет дала ей сил не отказаться от этой безвкусной фантазии.

Но шли годы, седали и редели волосы, множились морщины, а умный профессор так и не понял, что он потерял, пока он делал вид, что не понимал её намеков. Андреа был безразличен к состоянию своего исподнего и не разделял страхи Изабеллы о старческом одиночестве. Мысли о женитьбе на ней или любой другой представительнице женской половины человечества, казалось, были также чужды ему, как мысли о секвенировании биополимеров были чужды Изабелле.

Изабелла утешала себя тем, что Лучани был безнадежным холостяком. Он отказался от личной жизни, а, значит, дело было не в том, что он стал всемирно известным ученым, а она оставалась простой консьержкой. И оставаясь ею, она состарилась, обленилась и потеряла надежду на неравный брак. Она перестала проявлять былое рвение в уходе и за домом, и гардеробом ученого, и никогда не отличавшийся особой элегантностью Андреа Лучани теперь все больше смахивал на стареющего деревенского сапожника.

2

Как и каждое утро, профессор Лучани переступил порог кафе «Маринетти», поздоровался с Дарио, вытирающим руки об уже не белый, но еще не очень мокрый угол фартука, взял с тумбочки у входа газету «La Repubblica» и сел за стол у окна в ожидании своих капучино и круассана с абрикосовым джемом.

Его привычка читать газету уходила своими корнями в раннее отрочество, пришедшееся на послевоенные годы. Отец, будучи убежденным коммунистом, всю жизнь выписывал газету «Unità», и когда он бывал дома в казавшихся сыну очень редкими и короткими перерывах между командировками, он страстно и предвзято комментировал и без того не совсем объективно поданные новости об очередном нелегком этапе борьбы рабочего класса за свою свободу.

Андреа обожал своего отца. Это был жизнерадостный и энергичный уроженец юга Италии, чье присутствие наполняло дом и жизнь его обитателей веселым ритмом, и чей голос, имеющий привычку немного повышаться в начале каждой фразы, превращал в эпическое повествование даже рассказ о заурядной получасовой поездке из Салерно в маленький городок Баттипалья, где они тогда жили.

“Доброе утро, сынуля!” – радостно рывкал отец, распахивая дверь в его в комнату. Вернувшись поздно вечером, когда Андреа уже спал, он успевал за ночь развеять печали соскучившейся мачехи, и утром наступал черед сына.

“Хватит спать, отец приехал!” – от неожиданности Андреа вздрагивал, и тут же вместе с одеялом подпрыгивал в воздух, стряхивал с себя и сон, и дурман тоскливой тишины, царившей дома в отсутствие отца.

Отец был инженером-строителем. Тело, психику и память поколения, к которому он принадлежал, изуродовала война, но, уйдя, она оставила ему в наследство бесспорную ясность того, что было делом его жизни. Восстановление. Постепенно в тупиках памяти трепещущие ужасы разрушений уступали место чертежам новых проектов; натруженные за день руки засыпали в приятной пульсации, все реже сжимаясь ночью в кулаки; и радость созидания камуфлировала слезы о невозвратных потерях.

Андреа так и не понял, как этот жаждущий жизни и деятельности мужчина выбрал себе в новые жены скромную, набожную и холодную Розарию, получив с ней в приданное еще и старую деву, тетку Марию, её единственную оставшуюся в живых родственницу. Обе женщины отличались чрезмерной худобой, которая излишне подчеркивалась их мешковатыми черными платьями и гладкими прическами. В их чертах, и особенно в мимике, иногда проступали неуловимые намеки на родство; Розария была бледной темноокой красавицей с чуть крупным носом с горбинкой, и её холодность и набожность делали ее похожей на заколдованную девственницу, в то время как тетка Мария с ее чуть более крупным носом, обвислыми ушами и сильно выступающими скулами, обрамляющими темные озера кругов под глазами, казалась забывшей умереть средневековой мученицей. Тетка Мария взяла на себя всю заботу о доме, предоставляя Розарию её женским делам. Мачеха долгое время не могла забеременеть, и Андреа был назойливым свидетельством её мнимой ущербности, которую жизнь не очень спешила опровергнуть.

Розария была холодна со всеми, но в той холодной вежливости, с которой она относилась к Андреа, проскальзывало еще и некое грустное удивление. Словно в своих молитвах она не получала убедительного объяснения самому факту его существования. Зачем этот мальчик был нужен на свете? Каждый раз, когда они виделись, и было не важно, провели они врозь пару часов или несколько месяцев, встречались ли они за обеденным столом, когда он приходил из школы, или она приезжала за ним на вокзал, когда он возвращался домой, проводя летние каникулы в пригороде Милана у бабушки с дедушкой по материнской линии, она всегда с

изумленным разочарованием таращила на него свои глаза. А, это ты? Так все же это был не сон, ты существуешь, и растешь, а я старею, и не молитвы, ни паломничества, ни врачи помочь мне не могут. Мне было бы намного легче жить, если бы тебя не было. Ты есть будешь?

Свои школьные годы Андреа запомнил как черно-белый пунктир. Долгие черные линии обозначали скучные, тихие дни втроем. Розария лежит в спальне на безупречно заправленной брачной кровати с двумя подушками с каждой стороны и отрешенно смотрит в потолок. Её черное платье вычерчено стройным силуэтом на белоснежном вышитом покрывале, и тонкие ступни, в серых шерстяных, сморщенных на лодыжках чулках, стыдливо прикасаются друг к другу большими пальцами. Или же, Розария сидит в кресле у окна (и Библия в её руках без спроса переворачивает туда-сюда пару нерешительных легких страниц), она все так же отрешенно смотрит в окно поверх крыш, сквозь облака и голубизну небес, словно пытается распознать в созерцаемой немоте равнодушной бесконечности долгожданное и бесспорное знамение о том, когда же милость всевышнего снизойдет на неё. На кухне тётка Мария варит фасоль, чистит казан и слушает хрипливое радио Ватикана. Андреа сидит за письменным столом в своей комнате и читает учебник по математике.

Когда приезжал отец, жизнь меняла пластинку, и черные отрезки прерывались. Белый цвет, обозначавший дни, проведенные с отцом, определялся не отсутствием черных дев, которые, конечно, никуда не девались, а смешением их со множеством других ярких цветных воздушных потоков, которые, преломляясь призмой памяти, соединялись в луч белого света: зеленые склоны рощ, куда все вместе ходили на прогулки; красный нос старика Руджеро, чей день начинался “Слезой Везувия” и заканчивался “Кровью Иуды”, и который хоть и любил обоих, но смел наведываться к отцу, а не к сыну в отсутствие отца; оранжевый воздушный змей, который летел по берегу голубого неба, там, за горизонтом сливавшегося с морем и набегавшего розовой пеной на блестящие камушки и ракушки, которые меркли и серели, когда сухие стояли в банке на столе, и было уже не так жалко, если ворчливая Мария выбрасывала их.

Он ясно помнил то, ничего не выражающее, утро, скорее всего это было ноябрьское утро, когда от лета, от бабьего в том числе, не осталось ни малейшего следа, и солнце навсегда исчезло за серой туманной завесой облаков. До Рождества было еще далеко, до весны и подавно, отец только уехал, и сам вопрос о том, когда он вернется, был преждевременным. И не было места ни воспоминаниям о прошлом, ни мечтам о будущем, а была только влажная дорога в школу, которую он знал наизусть со всеми её выбоинами, кочками, лужами, трещинами, и он так истер её своими ногами, что в пору ей уже было выпустить из своих недр волшебного джина, который бы рассказал ему секрет человеческого счастья. Он верил, что люди сотворены для счастья, только почему-то оно у них не получается. Они забывают. Им помогают забыть. Наверное. Они рвутся к не своим идеалам, создают себе такие условия, в которых же сами потом и задыхаются. Но если найти научную, одну на всех верную формулу счастья, то люди станут жить лучше. Она, наверняка, очень сложная эта формула, иначе бы люди уже догадались до неё.

Он сидел за партой в мрачном классе, смотрел на затылки впереди сидящих, и видел себя, с давно не стриженными волосами, в застиранной рубашке, в коротких штанах и новых великоватых ботинках, и все ему казалось застывшим навсегда, непреодолимым, неизменным и неизбывным, а волшебная формула счастья – зябким миражом.

Тут в класс вошел новый учитель математики и рассказал им о плюс-минус бесконечности. Символом бесконечности стал рисунок, изображавший прямую. Властные стрелки венчали оба её конца лишь за тем, чтоб обозначить то, что ей нет конца. Может быть, на рисунке. Да и в жизни прямая была б рада окончиться, но упрямые стрелки безапелляционно приказывали ей не останавливаться. Его привлекла и испугала эта бесконечность, особенно минус бесконечность. Молодой учитель говорил, что плюс бесконечность стремилась к невыразимо огромным мирам, в то время как минус бесконечность доходила до ничтожно малых величин.

По крайней мере, так он запомнил. Наверное, тогда в нем зародилось желание докопаться до самых мелких, глубинных, миров, до самых неделимых секретов жизни и радости.

3

Андреа дочитал газету. Хотя правильнее было бы сказать, что он читал газету до тех пор, пока не дошел до раздела некрологов. После раздела некрологов, он продолжал листать страницы, пробежал глазами статьи, но это был тот род автоматического чтения, при котором смысл прочитанного никоим образом не отражался в уме читающего. Глаза машинально и даже быстро поедали строчки, но мысли продолжали вертеться вокруг маленького текста в черной рамке.

«Муж Фабрицио и дети Кристина, Даниэле и Антонио будут благодарны тем, кто присоединится к поминальной службе по прошествии тридцати дней со дня преждевременной смерти Лауры Корелли, которая состоится в воскресенье 30 марта в 16.30 в Церкви Святых Ангелов Хранителей. Светлая память о Лауре навсегда сохранится в сердцах родных, близких и всех тех, кому посчастливилось встретиться с ней».

Андреа на похороны не пошел. Можно было пойти. Инкогнито. Сделать вид, что случайно оказался в той церкви. Или на кладбище. Пройти мимо. Но зачем? Чтоб посмотреть на белый закрытый гроб, или на лица тех, кого она любила, и тех, кто любил её? Разве в живых глазах грустных господ, собравшихся у ее мертвого тела, можно было увидеть хотя бы тень Лауры?

Последний раз они встретились в небольшом ресторанчике на окраине Милана года два назад. Была середина декабря, и город уже успел облачиться в рождественский наряд. Белые, желтые, зеленые, красные и синие лампочки гирлянд неумело имитировали краски летних цветов в холоде декабря. Люди, возбужденные предчувствием праздников и подарков, отдавались кичливой суматохе в наивном стремлении разнообразить бесконечную, скучно-темную зиму.

Андреа только вернулся с международной конференции в Рио-де-Жанейро, где успел даже загореть. Лаура подтрунивала над его старомодным галстуком и спрашивала, когда же он, наконец, женится. В ответ он ласково улыбался и молчал, и смотрел на нее тем нежным и сквозным взглядом, от которого она всегда отворачивалась.

В ресторане было тепло. Они весело пили домашнее вино, и ее щеки быстро согрелись румянцем. В центре зала стояла рождественская елка, и отражения ее мягко мигающих огоньков шаловливо прыгали по их бокалам, вилкам, ножам, оправе его очков, ее сережкам и кольцам. На ней был тонкий серо-голубой свитер, чудесным образом оттенявший ее глаза. Он так хотел дотронуться, прижаться, согреться, раствориться на ничтожный миг в её манящем излучении. Он не знал, что это будет их последняя встреча, но любая их встреча могла быть последней, как впрочем, каждая из встреч двух смертных, и они так давно об этом знали, что смогли всё-таки позабыть. Она позвонила ему после обеда и предложила увидеться тем же вечером. Случалось очень редко, чтобы она назначала ему свидание в тот же день, но он был свободен, он соскучился и, конечно, согласился.

Обычно они договаривались о встречах заранее, а в те годы, когда еще не было сотовых телефонов и электронной почты, когда они были молоды и проводили вместе ночи, и приходилось осторожничать, чтобы ее муж и дети не догадались, у них был свой код. Когда она назначала свидание, то говорила о нем в прошедшем времени, как будто речь шла о уже случившейся где-то, когда-то встрече с какими-то людьми. Он брал на заметку время и место, а день определялся, меняя прошлое на будущее с точностью до наоборот. Вчера обозначало завтра, позавчера – послезавтра, прошлый четверг – будущий четверг.

– Ты представляешь себе, в прошлую субботу на станции метро «Порта Романа» я случайно столкнулась с доктором Галимберти. Он очень постарел. Хотя, быть может, он просто устал под конец дня. Дело было где-то около семи вечера. Оказывается, он теперь заведует клиникой в Лоди, и сейчас открывает новое отделение...

Слыша подобное, Андреа заключал, что кто-то из ее домочадцев был дома, и что она будет ждать его в следующую субботу в семь вечера на упомянутой станции метро. Эти смешные детские уловки, благодаря которым она выменивала выдуманные прошлые ничемные встречи на будущие свидания с Андреа, казались ему сказочной сделкой со всемогущим волшебником или доброй феей из тех, что превращают желтую тыкву в золотую карету, ничтожных крыс в благородных лошадей, деревянные башмаки в золотые туфельки. Только у Лауры все доктора, адвокаты, школьные подруги, соседи по курорту, родители друзей её детей, папины знакомые и троюродные сестры всегда превращались в него одного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.